

18+

ТОЁСИМА ЁСИО

Трамвайная остановка

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА ЭПОХИ ТАЙСЁ

Тоёсима Ёсио

**Трамвайная остановка.
Избранная проза эпохи Тайсё**

«Издательские решения»

Ёсио Т.

Трамвайная остановка. Избранная проза эпохи Тайсё / Т. Ёсио —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692094-1

Стиль Тоёсимы Ёсио отличает сдержанная, почти клиническая точность описаний, которая контрастирует с иррациональностью изображаемых переживаний. Его проза лишена пафоса и открытой дидактики, автор словно отстраняется, позволяя читателю самому погрузиться в лабиринт сознания героев. Впервые на русском.

ISBN 978-5-00-692094-1

© Ёсио Т.
© Издательские решения

Содержание

Тоёсима Ёсио: в тени Акутагавы	6
Записки одной девушки	8
Глупый день	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Трамвайная остановка Избранная проза эпохи Тайсё

Тоёсима Ёсио

Переводчик Павел Соколов

© Тоёсима Ёсио, 2026

© Павел Соколов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-2094-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тоёсима Ёсио: в тени Акутагавы

Тоёсима Ёсио (1890—1955) – один из наиболее тонких японских писателей первой половины XX века, чьё творчество отражает сложный переход от модернистских экспериментов эпохи Тайсё (1912—1926) к поискам и разочарованиям первой половины эры Сёва (1926—1989). Его произведения, представленные в настоящем сборнике, демонстрируют уникальный синтез лирической созерцательности, характерной для классической японской прозы того периода, и новаторского интереса к внутреннему миру человека, его бессознательным иллюзиям и страхам. Тоёсима принадлежит к поколению авторов, сформировавшихся под влиянием как национальной литературной традиции, так и активного диалога с западноевропейским модернизмом.

Биография Тоёсимы Ёсио во многом определила тематику и тональность его творчества. Родившись в провинциальной семье бывшего самурая, он получил классическое по тем временам образование, увлекался литературой эпохи Хэйан и произведениями поэтов-романтиков. Однако его юность совпала с бурными социальными и культурными переменами в Японии, что побудило молодого человека к поиску новых форм выражения. Еще в период учебы в Токийском императорском университете он познакомился с будущими классиками японской литературы. Среди них были: Акутагава Рюноскэ, Кумэ Масао, Кикиути Кан, Сига Наоя. От первого, к слову, он воспринял интерес к парадоксальности человеческой психики и изощрённой повествовательной технике, а от последнего – внимание к внутренней правде переживаний и лаконичность стиля. Однако в отличие от Акутагавы, тяготевшего к гротеску и интеллектуальной игре, Тоёсима сосредоточился на тончайших нюансах душевных состояний, часто граничащих с неврозом или мистическим переживанием.

Вклад Тоёсимы Ёсио в японскую литературу заключается прежде всего в углублении психологизма и разработке темы «невидимой реальности» – мира галлюцинаций, намёков, бессознательных страхов, которые подспудно определяют жизнь человека. В рассказе «Записки одной девушки» эта тема раскрывается через историю болезненной одержимости, где граница между реальностью и воображением постепенно стирается, а храмовый сад становится метафорой замкнутого пространства души. Тоёсима мастерски использует традиционные для японской эстетики образы – мох, клёны, каменные стелы, – насыщая их новым, тревожным психологическим содержанием. Его герои часто оказываются заложниками собственных видений, а сюжет строится не на внешних событиях, а на медленном разворачивании внутренней драмы. По своей атмосфере данная новелла одновременно напоминает европейскую готику и японские рассказы о призраках.

В «Дневной грезе» и «Глупом дне» автор исследует тему двойничества, размывания идентичности и тотального одиночества в современном городском пространстве. Эти произведения перекликаются с мотивами творчества Гофмана и Достоевского, но интерпретированы через японский контекст бытовой неустроенности в условиях социальных сдвигов. Тоёсима показывает, как стандартизация жизни в период урбанизации (одинаковые дома, повторяющиеся дни) порождает экзистенциальную тревогу и желание прорваться за границы привычного – даже ценой разрушения себя.

Особого внимания заслуживает связь Ёсио с классической японской литературной традицией. Он наследует от тех же хэйанских авторов (таких как Мурасаки Сикибу) внимание к деталям, умение передать настроение через описание природы, культуру недосказанности («ёдзё»). Однако у него эти приёмы служат не для создания эстетической гармонии, а для выражения разлада между внешним порядком и внутренним хаосом. В «Женщине из романа» он обращается к теме искусства и реальности, продолжая дискурс, начатый, например, его выдающимся современником Танидзаки Дзюньитиро, но доводя его до метауровня: творче-

ство становится способом бегства от действительности, но и сама действительность начинает подражать художественному вымыслу.

Стиль Тоёсимы Ёсио отличает сдержанная, почти клиническая точность описаний, которая контрастирует с иррациональностью изображаемых переживаний. Его проза лишена пафоса и открытой дидактики, автор словно отстраняется, позволяя читателю самому погрузиться в лабиринт сознания героев. Эта повествовательная стратегия сближает его с европейским «потокосознанием», но у него он всегда остаётся структурированным, подчинённым чёткому ритму и композиционной строгости.

Знаток европейской литературы, в совершенстве знавший французский язык, он познакомил соотечественников с шедеврами Гюго и Ромена Роллана. В его прозе заметно влияние французских писателей и философов. Тоёсима оставался независимым искателем в тени выдающихся современников. Его творчество было оценено по достоинству лишь в послевоенные годы. Сегодня его наследие воспринимается как предвосхищение многих тем позднейшей японской литературы – от «интеллектуальных» романов Кобо Абэ до психологических драм Юкио Мисимы. На закате своих дней с Тоёсимой дружил Дадзай Осаму.

Настоящий сборник даёт возможность ознакомиться с новеллами, созданными в эпоху Тайсё, период расцвета творчества автора. Уже по ним можно проследить эволюцию писателя: от ранних, пронизанных лирической меланхолией рассказов к более жёстким, почти гротескным зарисовкам городской жизни. Объединённые темой «невидимой трещины» в человеческом сознании, эти произведения демонстрируют, как классическая японская чувствительность может быть переосмыслена в контексте модернистского слома эпох.

К сожалению, советские, а за ними и российские переводчики-японисты, можно сказать, практически проигнорировали фигуру Тоёсима Ёсио. Он оказался в тени того же Акутагавы. Художественные произведения и критические статьи автора не переводились на русский. Да, его имя мелькало на страницах научных работ. Но не более того. Главная задача данного сборника – познакомить русскоязычных читателей с наследием Тоёсимы Ёсио и исправить эту несправедливость. Надеюсь, в ближайшие годы появятся новые переводы работ писателя.

Павел Соколов

Записки одной девушки

Мне нравился этот храм.

За массивными воротами сразу же начинался обширный двор, и, возможно, потому, что свет солнца заслоняла небольшая рощица деревьев, земля повсюду была покрыта мхом. На этом дворе в два ряда росли клёны, образуя прямую широкую дорогу от ворот. Середина её была выложена каменными плитами, и там, где упиралась в искусственную горку на дальнем конце и в большую каменную стелу, она резко поворачивала налево и, видимо, вела к главному залу. Снаружи был виден лишь пологий край крыши главного зала. Вид на эту часть крыши главного зала, и на безмолвный широкий двор, и на моховую землю, и на плоскую дорогу из каменных плит, и на гибкие ветви и листья аллеи клёнов, и на чистый воздух по ту сторону массивных ворот – сколько раз я была тронута в душе его утончённым, одиноким пейзажем! Но на столбах ворот висела табличка с надписью «Посторонним вход воспрещён», поэтому я ни разу не заходила внутрь. Я лишь наслаждалась, проходя мимо по дороге в школу и обратно.

Оглядываясь назад в своей памяти, мне кажется, что образ этого храма четко запечатлелся в моей голове примерно с третьего класса женской школы. И в том же году я стала видеть его фигуру.

Я не помню, когда увидела его впервые. Просто в какой-то момент я стала замечать молодого монаха в белом повседневном одеянии, неподвижно стоящего в саду храма, по ту сторону аллеи клёнов. Но я лишь подумала: «Какой молодой и одинокий на вид монах», – и не обратила особого внимания. Не успев заметить, как сама того не осознавая, привыкла к этому виду.

Насколько я могла разглядеть, тот молодой монах всегда был в белом повседневном одеянии, он стоял за густой листвой клёнов, а иногда медленно прогуливался прямо от ворот перед большой каменной стелой. Его фигура придавала уединённому двору храма особое очарование. Каждый раз, проходя мимо храма, я обязательно украдкой заглядывала внутрь, и если не обнаруживала там фигуры монаха, то чувствовала лёгкую досаду. Моё сердце начало ощущать к тому монаху некую необъяснимую теплоту.

Какой-то прекрасный осенний вечер. В тот день у меня было дежурство, и я возвращалась из школы позже обычного. Безоблачное небо было высоким, синим и прозрачным, по улице струились потоки жёлтого косого солнечного света. Воздух был странно ясным и чистым, таким вечером хотелось идти куда-то без конца. С лёгким сердцем я шла мимо храма. Проходя, я, как обычно, мельком взглянула внутрь, и почувствовала, что ноги сами собой остановились. В двадцати сё (*традиционная японская мера длины, примерно 1,82 м – прим. ред*) от ворот тот молодой одинокий монах, словно опираясь одной рукой на ствол клёна, стоял недвижимо – как будто долгое время сохранял эту позу – и смотрел сюда рассеянным взглядом. Косые лучи, пробивавшиеся сквозь ветви клёна, роняли на ослепительно белые одежды монаха мерцающие пятна. Лицо монаха, увидевшего мою фигуру, медленно-медленно, словно поверхность озера, колышущаяся безо всякого ветра, покрылось лёгкими морщинками. А в следующее мгновение оно уже мягко улыбалось. Моё лицо тоже улыбалось, само того не ведая... Ощувив это, я вдруг опомнилась, мне стало стыдно, и я, опустив голову, пустилась бежать.

Лёжа той ночью в постели и думая о дневном происшествии, я почувствовала, словно увидела очень нежный сон. «Пусть благословение снизойдёт на того молодого монаха». Таково было моё чувство. Ах, что это было!

Потом, по дороге в школу и обратно, я примерно раз в день встречалась с монахом взглядом. Странно, но он выходил во двор именно тогда, когда я проходила мимо храма. И словно не находя в этом ничего удивительного, мы всегда обменивались улыбками.

Так продолжалось октябрь и ноябрь, около двух месяцев. Моё сердце уже не различало, радовалось ли оно проходу мимо храма из-за чистого храмового сада или из-за дружелюбной улыбки того монаха.

Но это не было похоже на любовь. Мне было всего шестнадцать, и я совсем не знала настоящих чувств к противоположному полу. Даже когда молодые друзья моего брата довольно откровенно поддразнивали меня, у меня не возникло ничего, кроме смущения. Среди друзей брата был один, на кого я смотрела с тоской, но и эти чувства были очень слабы по сравнению с теми, что я испытывала к своим красивым подругам. А мои чувства к тому монаху были ещё слабее, чем к друзьям брата. Это было просто что-то вроде теплоты к дяде. Иначе разве могла я уже на следующий день после того первого стыда так легко ответить улыбкой, разве могла бы каждый день беззаботно обмениваться улыбками?

Даже когда листья клёна покраснели и начали осыпаться, я всё ещё почти каждый день встречалась с монахом взглядом. И мы лишь обменивались улыбками, и даже массивные столбы ворот с запрещающей табличкой не вызывали во мне чувства досады. Но по воскресеньям и в дождливые дни, когда я не видела фигуры монаха, мне было как-то скучно.

Однако с начала декабря фигура монаха внезапно исчезла. Я даже специально проходила мимо храма по два-три раза туда и обратно по дороге из школы. Но тот не показывался. Мне стало странно грустно. И я ясно вспомнила день нашей последней встречи.

В тот день монах, казалось, мёрз, скрестив на груди рукава, и стоял понуро у каменной стелы. Когда я проходила мимо ворот, он лишь слегка поднял своё опущенное лицо, не улыбнулся, как обычно, и снова сразу же опустил лицо к груди. Казалось, он крепко закрыл глаза. Позже, вспоминая, я подумала, что, возможно, он так старался не заплакать. Но в тот момент я лишь нашла это странным и не особенно удивилась.

После того как фигура монаха исчезла, я, вспоминая потом об этом, начала чувствовать, что здесь кроется какая-то глубокая причина. Может, он заболел? Или, возможно, его перевели в другой храм? Или он отправился в дальнейшее путешествие? Чем больше я думала, тем яснее оставался лишь один факт – что я больше не увижу его. Мне было даже досадно: почему он не назвал причину? Я пыталась утешить себя мыслью, что такова его монашья доля. И глубокая тоска, печаль проникали в моё сердце. Мне стало почти больно идти мимо храма. Проходя, я старалась не заглядывать внутрь ворот. Но я не могла не заглядывать. И от этого мне становилось ещё грустнее.

Тем временем у меня начались экзамены за семестр, затем зимние каникулы, а потом и Новый год. И я, сама не заметив как, забыла о монахе. Мой брат, ещё будучи студентом, был помолвлен, и, окончив университет, сразу же устроился на работу в компанию, но, возможно, потому что не растерял чувств, свойственных юным годам, у него осталось много друзей-студентов, и на Новый год в доме стало очень шумно из-за собраний для игры в карты и прочего. Я, будучи гораздо младше, позволяла себя баловать как ребёнка и вовсю резвилась.

Новогодние праздники пролетели, как сон, и когда школа снова началась, я с некоторым страхом снова пошла мимо храма. Я и сама не знала почему. И, лишь мельком взглянув внутрь ворот, быстро проходила мимо. Но фигуры монаха я ни разу не видела. Я чувствовала необъяснимое облегчение. Я, что сначала грустила, не видя его, всего за месяц стала бояться встречи. Не потому что мне было неловко за то, что я почти забыла его, и не потому что я боялась, как бы не возникла любовь. Мне казалось, что если мы снова станем встречаться каждый день, это примет какую-то новую, тревожную форму – не любовь – и я боялась, как бы это не принесло беспокойства в мою душу.

Не видя ни разу фигуры монаха и чувствуя некоторое облегчение, я по-настоящему забыла о нём. Более того, прошли январь и февраль, и наступила весна. Ах, семнадцатая весна, как же легко и светло было на душе! Это было так, словно стоишь одна посреди широкого

поля под ясным небом. Не было никаких забот. Мне хотелось танцевать, бежать, лететь высоко в небе. Фантазия и реальность переплелись воедино, начав создавать прекрасный мир грёз.

И всё же...

В то время, когда лепестки сакуры облетели и должны были появиться зелёные листья, вскоре после того, как я перешла в четвёртый класс... Я хорошо помню тот день... Двадцать первое апреля! Тем днём я снова увидела его фигуру – отныне мне естественнее называть его «он» – его фигуру в храмовом саду.

С лёгким, оживлённым чувством, с ощущением, что впереди меня ждёт счастье, я возвращалась из школы и, проходя мимо храма, бездумно, случайно взглянула в сторону ворот. И застыла на месте, остолбенев. Из-за тени большой каменной стелы на том конце на меня смотрела его голова. Тела видно не было. Только голова, высунувшаяся из-за стелы, и всё его лицо и голова пристально смотрели на меня. На мгновение я усомнилась, что это он, и окаменела от невыразимого ужаса. Но в следующее мгновение эта голова, словно отрубленная, отделилась от стелы и оказалась на его фигуре в белом одеянии, стоящей там. С громким криком в душе я изо всех сил пустилась бежать.

Вернувшись домой и успокоившись в своей комнате, моё сердце наконец утихомирилось, и недавний ужас показался глупым. Но, поразмыслив получше, я перестала понимать смысл его поведения. Почему он не встретил меня, как осенью, стоя в том чистом саду, на фоне прекрасных молодых листьев клёна – нет ничего прекраснее молодой листвы клёна – с мягкой улыбкой? Почему он прятался за каменной стелой, высунув лишь голову, и пристально, до жути, смотрел на меня? Я ни за что не могу вспомнить его лицо в тот момент. Помню лишь, что лицо было мрачным, и что он смотрел на меня всей своей головой, целиком.

Те несколько дней я не видела его. Но однажды, проходя мимо, я заметила его, смотрящего на меня из-за зарослей кипарисовика. После этого и я стала внимательнее. И тогда я стала часто обнаруживать его фигуру, выглядывающую на меня из-за тени кустов, или каменной стелы, или искусственной горки. Даже если я не видела его, мне казалось, что за мной пристально следят откуда-то. Мне стало очень неприятно проходить мимо храма.

Кажется, это было в начале мая. Когда я проходила мимо по дороге в школу, он стоял с метлой в руках, но без видимого намерения подметать двор, прямо на каменной дорожке за воротами. Я удивилась, но это было лучше, чем быть обнаруженной из укрытия. Однако, возвращаясь из школы в тот же день, я снова увидела его в той же позе. Тогда я заметила, что его лицо было очень бледным, а его белое одеяние – грязно-серым и запачканным. Он лишь пристально смотрел на меня, не показывая и тени улыбки. Я изо всех сил старалась принять беззаботный вид и, немного ускорив шаг, прошла мимо.

Сейчас, оглядываясь, я понимаю, что была глупа, ничего не понимала!

После этого каждый раз, когда я проходила мимо храма, его фигура с метлой в руках всегда была видна внутри ворот. Он смотрел на меня, не шелохнув и волоском, окаменевший, как камень. Его белое повседневное одеяние было не только серым и грязным, но и сильно помятым. Лицо было смертельно бледным, безжизненным, щёки впалыми. Волосы отросли и растрепались, длиной сантиметра в два, часто виднелась жидкая щетина. В дни, когда он брился, впалость щёк была ещё заметнее, и он казался ещё более измождённым. А в его запавших глазах был тёмный, острый блеск.

Этот блеск в его глазах всегда пугал меня. Однажды, увидев, что он вышел за ворота, я почувствовала, что не смогу пройти мимо. Я прошла, уставившись в землю, и ноги сами собой перешли на бег. И у меня не хватило смелости оглянуться.

С тех пор я старалась по возможности не проходить мимо храма. Но для этого приходилось делать большой крюк. Когда я опаздывала утром, мне приходилось идти мимо храма. И он всегда стоял там. Также по дороге из школы, если я шла чуть раньше или позже обычного, я

проходила мимо. Если его фигуры не было видно, я чувствовала облегчение, словно избежала беды. Но такое случалось очень редко.

У меня не было подруг по соседству, которые ходили бы в ту же школу. Но однажды моя близкая подруга К. пришла ко мне домой, и по дороге из школы мы вместе проходили мимо храма. В тот раз он снова стоял с метлой в руках. Не обращая внимания на то, что я быстро прошла мимо, К., казалось, фланировала неспешным шагом и смотрела на него во все глаза. Догнав меня, К. сказала:

«Какой противный монах!»

Я не знала, что ответить. Но с тех пор я стала отчётливо чувствовать, что причина перемен в нём кроется во мне. И чем яснее становилось это чувство, тем больше я терялась. Я постоянно жила в страхе. Как же отравляла всё это мою юную жизнь!

Одним июльским утром я вышла чуть позже и, торопясь, проходила мимо храма. И снова он стоял, прислонившись к столбу ворот, с метлой в руках. Я лишь мельком взглянула на него, опустила голову и прошла мимо. Не пройдя и десяти шагов, я ясно почувствовала, что он идёт за мной по пятам. Мне казалось, что вот-вот его костлявые худые руки схватят меня за плечи. Я ничего не могла поделать. Я пустилась бежать изо всех сил, но, пробежав семь-восемь шагов, запыхалась и остановилась. Мне показалось, что он уже настигает меня сзади. Собравшись с духом, чтобы оказать сопротивление, я резко обернулась. И тогда... там никого не было. Лишь пустынная улица была залита утренним солнцем, и даже возле храма не было ни души. Мне стало жутко от чего-то – не от него – чего-то другого. Сердце бешено колотилось.

В тот день я вернулась домой и, сказав невестке, что плохо себя чувствую, пропустила школу. Целый день я была вялой, словно после кошмара.

После этого я решила по возможности не ходить мимо храма. Поскольку я стала появляться там реже, то и видела его реже. Тем временем наступила пора напряжённых экзаменов. Но и они закончились, начались летние каникулы, и перед отъездом на родину в Харима я как-то утром пошла к храму. Я не помню, зачем. Возможно, даже тогда у меня не было ясной причины.

В храме было безмолвно. На покрытой мхом земле, казалось, ещё блестящей от росы, солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь рожицу деревьев, роняли красивые цветные пятна. Всё было окутано свежим воздухом. Ничьей фигуры видно не было. С чувством, похожим на лёгкую грусть, я вернулась домой. Я, которую он так долго пугал, ощутила некую тоску и неудовлетворённость по отношению к храмовому саду, лишённому его фигуры.

После этого я его не видела и уехала в родительский дом. Мой старший брат жил в Токио, второй брат умер в детстве, сестра вышла замуж в Осаке, так что в родительском доме были только отец с матерью и младший брат, и стало довольно одиноко, но как же я была рада снова оказаться рядом с родителями после года разлуки! Но сейчас я пишу не об этом. Я хочу продолжать свой рассказ.

Пока я была дома, его образ естественным образом отдалился от моих мыслей. Однако ближе к концу летних каникул, когда до возвращения в дом брата в Токио оставалось четыре-пять дней, со мной произошло нечто странное.

Мой дом стоял на окраине, почти что в поле. После того как отец в основном занялся управлением своей собственностью, мы переехали в это тихое строение на окраине.

В один лунный вечер я одна пошла гулять по деревенской дороге. С тех пор как я стала жить в Токио, я ощущала ещё более глубокую привязанность к лунным ночам на родине. В этом смешались воспоминания детства и тоска по равнинам в лунную ночь. В тот вечер луна была особенно красива. Серебряный свет дымился над полями вдаль. Белая дорога вырисовывалась среди рисовых полей, в воздухе витал аромат росы на листьях риса, одиноко звучали голоса лягушек. Немного побродив среди полей, я, напевая про себя песню, направилась домой. И вдруг, совершенно внезапно, я ощутила дрожь, словно меня окатили холодной водой.

Позади меня стояла фигура того монаха в белом одеянии. Стоило мне сделать шаг, как он делал шаг следом, стоило мне остановиться, как и он останавливался. Я не видела этого глазами, но ясно чувствовала сердцем. Съёжившись от страха и дрожа, я осторожно прислушалась: вокруг была лишь яркая лунная ночь, и голоса лягушек лишь усиливали одиночество полей. Я не могла ни обернуться, ни остановиться, ни идти дальше. Его фигура неподвижно стояла в нескольких шагах позади меня. Я затаила дыхание, закрыла глаза и не могла сделать ничего, кроме как верить себя судьбе и небу... Показалось, что прошло много времени. У меня закружилась голова. И в тот миг, когда я внезапно открыла глаза, я пришла в себя. Его фигуры больше не чувствовала. Оглянувшись, я увидела, что на никому не принадлежащих полях повсюду лежал лунный свет.

Это была иллюзия! Ах, если бы она навсегда осталась лишь иллюзией!

В конце августа я снова оказалась в доме брата в Токио и стала ходить в школу. И иллюзия перестала быть просто иллюзией.

В первый день нового семестра в сентябре я пошла в школу и обратно мимо храма, но его фигуры нигде не было видно. Однако со второго-третьего дня я снова стала видеть его почти каждое утро стоящим внутри ворот. Меня лишь на короткое время успокоило то, что его белое одеяние было новым и чистым, цвет лица тоже был куда лучше, чем до каникул, волосы аккуратно подстрижены, а щетина всегда тщательно сбрита. Щёки всё ещё были впалыми, но на них виднелась гладкость и румянец. Хотя он всегда держал в руках метлу, при виде меня он иногда слегка прислонялся к стволу клёна, принимая неестественно жеманные позы. Он не улыбался лицом, но улыбка была в его взгляде. Иногда он даже держал в руке, лежавшей на стволе клёна, новый носовой платок. Видя, как неуклюжий монах так внезапно изменился, я даже порой с трудом сдерживала лёгкий смешок. Более того, он совсем не показывался, когда я возвращалась из школы. Он стоял внутри ворот лишь в ясные утра. Окутанный чистым воздухом, казалось, ещё хранящим утреннюю росу, под зелёными листьями клёна, с метлой в руке, стоя на покрытой мхом земле, его лицо даже показалось мне впервые красивым.

Так моя настороженность по отношению к нему постепенно ослабевала. По мере того как я всё яснее понимала, что он питает ко мне любовь, моё юное сердце даже начало ощущать лёгкую гордость. Хотя в глубине души оставался некий страх, я понемногу забывала о двух похожих видениях, что видела прежде. Ах, как податливо девичье сердце на лесть! С беспечным чувством я без стеснения проходила мимо храма.

Хотя я видела его лишь по утрам в ясные дни, примерно раз в неделю или в десять дней я встречалась с ним и по дороге из школы. В своём белом повседневном одеянии он выходил за ворота и прогуливался по улице. Хотя там всегда было очень мало людей, я уже не особенно боялась, даже если мы проходили мимо друг друга. В моей душе уже проросла столь сильная гордыня.

В конце октября я получила от подруги прекрасные хризантемы и проходила мимо храма чуть позже обычного. Он стоял снаружи. Я не обратила внимания. Я спокойно собиралась пройти мимо него, когда он, увидев меня, сделал несколько шагов. И тут что-то сзади коснулось хризантем в моей правой руке, и несколько лепестков осыпалось.

– Ах, простите.

Прозвучал этот шёпот. Оглянувшись, я увидела, что он с странно растерянным видом быстрыми шагами скрылся внутри ворот. Мне захотелось рассмеяться, но я сдержалась. Затем внезапно вспомнила кое-что и остановилась. Уж не положил ли он мне в рукав записку? Так подумала я.

Я проверила оба рукава. Там ничего не было. Я осмотрела себя с ног до головы. Нигде не было ничего необычного... Значит, это была просто случайность? Я могла думать только так, но в моём сердце оставалось нечто, что не позволяло утверждать это с уверенностью. Мои опасения снова усилились.

В то время я часто не могла заснуть. Случалось, что я просыпалась среди ночи и до самого рассвета блуждала на грани сна и яви. В такие моменты мне часто снились жуткие сны. Иногда во сне мы с ним играли в догонялки... Но всё это с наступлением утра бесследно стиралось, и я снова находила себя свежей под осенним солнцем. И всё же, совершенно неожиданно, внезапно произошло вот что.

Восемнадцатого ноября, возвращаясь из школы, я снова встретила его у храма. Он, приклонившись к столбу ворот, казалось, о чём-то глубоко задумался, и, даже когда я проходила мимо, не поднял своей опущенной на грудь головы. Я быстрыми шагами прошла мимо. И, пройдя двадцать-тридцать шагов, почувствовала, что он идёт за мной сзади. Всё было точно так же, как в двух предыдущих видениях. Но тогда, странным образом, во мне не возникло особого страха. Его фигура, идущая за мной с опущенной головой – отражённая в моём сердце – показалась мне немного смешной. Притворяясь, что ничего не замечаю, я, следя за его фигурой в душе, обычным шагом пошла домой. Ворота моего дома были двустворчатыми, а между входной дверью и воротами был узкий передний двор, усыпанный галькой. Днём ворота всегда были распахнуты.

Позволив ему следовать за мной, я, дойдя до дома, резко повернулась и вошла в ворота. Затем, сняв в прихожей обувь и собираясь подняться, увидела, что он тоже вошёл внутрь ворот. Действительно, скользнул внутрь. Хотя под ногами была галька, не было слышно ни звука шагов. Меня вдруг затрясло. И, застыв в прихожей, я впервые оглянулась. Прямо передо мной, снаружи прихожей, неподвижно стоял он. От неожиданности я потеряла голову. Я бросилась к невестке. И закричала:

– Сестра, скорее, скорее... В прихожей монах, он преследует меня. Идите, пожалуйста. Скорее идите... Он, может быть, сейчас войдёт.

Невестка, удивлённая моим видом, не спрашивая, вышла в прихожую. Я окаменела и стала прислушиваться. Ничего не было слышно. Вскоре невестка вернулась одна.

– Что с тобой? Там никого нет, – сказала она.

– Нет, он здесь. Монах, он преследует меня, – я продолжала настаивать.

Туда же вышли служанка и старушка-няня. Мы вчетвером вместе пошли в прихожую. Никого не было. Мы вышли за ворота. На улице не было видно никого, похожего на монаха.

Но я же сама видела его фигуру в прихожей!

На расспросы невестки я впервые рассказала всё с самого начала, с прошлого года. Пока я говорила, вернулся брат. Невестка вкратце рассказала ему о сегодняшнем происшествии. Я снова повторила всё с начала. Брат молча слушал, и, дождавшись, пока я закончу, сказал:

– В этом нет ничего удивительного... Зря ты скрывала, надо было рассказать раньше.

И в итоге, по заключению брата, либо у меня неврастения, либо он помешался от любви до полусмерти, а возможно, и то и другое вместе. Мы с невесткой переглянулись и содрогнулись от зловещего предчувствия.

В тот вечер, после обсуждения, было решено, что я во всём буду следовать указаниям брата. Во-первых, по возможности не ходить мимо храма, а если утром я опаздываю и нет времени на обходной путь, чтобы служанка провожала меня до места за храмом, а обратно всегда идти окольным путём. Во-вторых, если я встречу монаха и произойдёт что-то странное, обязательно рассказать брату, и тогда на этот раз он сам пойдёт к нему и строго поговорит. Я согласилась на все условия.

Однако я не сдержала, не смогла сдержать это обещание. Я испытывала к нему огромный страх, но в промежутках между страхом я также чувствовала некую жалость. И когда меня охватывал страх, я, несмотря ни на что, не проходила мимо храма. Но когда я жалела его, мне становилось больно, что я не показываюсь ему, и я снова шла мимо храма. Эти два чувства возникали во мне попеременно. Ах, лёгкий страх и гордыня юной девушки! Но, оглядываясь сейчас, мне кажется, что мною овладело некое большое очарование. Это было обольщение

паутины, заманивающей муху. Боясь его или жалея, я, в глубине души, вероятно, была очарована им.

К тому же ничего особенного больше не происходило.

По утрам я иногда проходила мимо храма и встречала его, стоящего внутри ворот. Изредка я встречала его и у храма по дороге домой.

Тем временем снова наступили экзамены за семестр, а затем и зимние каникулы. Но тот Новый год был для меня мрачным. В голове постоянно стоял туман. Я вспоминала о нём, словно об умершем. Брат окончательно решил, что у меня неврастения. Невестка очень беспокоилась. И мы втроём – я, брат и невестка – на четыре-пять-шесть дней, с ночёвкой на два вечера, съездили ненадолго в Хаконэ. Но даже когда я писала открытки подругам, мой лоб часто хмурился. Возможно, у меня и вправду была неврастения, или, может, уже с тех пор...

Школа снова началась, и какое-то время ничего не происходило, но одним холодным февральским днём я снова почувствовала, что он идёт за мной. Однако в тот раз он – или призрак моего сердца – исчез по дороге. Нечто подобное произошло ещё раз в начале марта.

Я скрыла это от брата. Не знаю почему, но я никак не могла рассказать. И наконец наступил последний день.

Двенадцатого марта, с утра небо было хмурым, не было ни малейшего ветерка, день был на удивление зыбким и ненадёжным. Утром я пошла в школу окольным путём. По дороге обратно я собиралась пойти в обход, но, вспомнив, что брат, слегка простуженный, сидит дома без дела, мне захотелось поскорее вернуться домой, и я, не задумываясь, пошла прямо.

Он стоял, прислонившись к столбу ворот храма. Я, стараясь сохранять спокойствие, собиралась пройти мимо. И тут он, неизвестно почему, слегка поклонился мне. Я, поддавшись порыву, тоже поклонилась в ответ. И тогда я внезапно ощутила дрожь во всём теле. В отличие от прошлых разов, я почувствовала нечто странно серьёзное. Я хотела побежать, но не смогла. Мои ноги казались очень тяжёлыми. Я, стиснув зубы, продолжала идти. Он шёл за мной сзади, постоянно сохраняя дистанцию в семь-восемь шагов. Наконец я дошла до дома, и когда я вошла в ворота, он тоже вошёл внутрь. Когда я оказалась в прихожей, на этот раз, странным образом – нет, это как раз не было странно – его шаги, приближающиеся к прихожей, отчётливо слышались на гальке во дворе. Я больше не могла терпеть. У меня не было ни времени оглянуться, ни возможности снять обувь. Прямо в обуви я вскочила внутрь и бросилась в дальнюю комнату. Рядом с невесткой, занятой работой, брат лежал, развалясь, в стёганом халате.

– Монах! – только и успела я выкрикнуть, как упала ничком.

Брат, казалось, сразу всё понял. Сбросив халат, он вышел в прихожую. Я приподнялась и стала прислушиваться в сторону прихожей. Через некоторое время... ах, это всё-таки была правда! Послышался голос брата, обращавшегося к кому-то. Невестка тоже встревожилась от этого голоса и встала, но тут же снова села и сняла с меня обувь. Я позволила ей делать что угодно. Кончики пальцев дрожали, меня бил озноб. Невестка помогла мне снять и хакама. Она отвела меня в дальнюю комнату.

– Посиди здесь спокойно, он скоро вернётся. Не о чем беспокоиться.

Услышав это от невестки, я почувствовала, как горячие слёзы градом покатились из глаз. Невестка ушла, но вскоре вернулась. Мы не проронили ни слова о нём. Мне было холодно, и невестка пододвинула котацу. Я, опустив лицо на котацу, сидела не двигаясь. Беспричинные слёзы непрерывно текли. Я не могла ни о чём думать. Невестка время от времени выходила. Брат не возвращался очень долго.

Когда зажглось электричество и на улице начало темнеть, моё сердце наконец успокоилось. За ужином я впервые увидела лицо брата. Казалось, он был очень взволнован. На столе стояло больше угощений, чем обычно.

– Я хотел угостить его обедом, но он ушёл... – сказал брат.

Услышав это, моё сердце внезапно просветлело. И я хотела спросить его о нём, но слова не шли с языка.

Тем вечером мы втроём – брат, невестка и я – собрались вокруг котацу, и он рассказал нам все подробности.

Когда брат вышел в прихожую, там стоял он. Брат удивился, но сказал, что если у него есть дело, пусть говорит. Но тот лишь молча стоял. Нечего было делать, брат проводил его в гостевую. Он прошёл в гостевую, куда его направили. И там всё рассказал. Оказывается, он был влюблен в меня с позапрошлой осени. Но, будучи монахом, сильно мучился в душе. Говорил, что даже собирался покончить с собой. Но всё же не мог забыть меня и в конце концов, намереваясь открыть свои чувства моему отцу, последовал за мной сегодня. До сегодняшнего дня он даже не знал моего адреса и имени (Значит, предыдущие случаи были всё-таки моими галлюцинациями! Но я не могу поверить, что только ими). Выслушав его рассказ, брат стал обстоятельно его уговаривать. И когда он сказал: «Если вы усердно будете практиковаться и станете уважаемым настоятелем, я, возможно, и отдам вам сестру...», и тот разрыдался громко, навзрыд. Он плакал без остановки. «Я совсем растерялся», – сказал брат. Долго пролежав в слезах, монах вдруг поднял лицо и умолял: «Я поеду за границу учиться, поэтому, пожалуйста, не выдавайте сестру замуж следующие два года». Брат, увещевая его безрассудное сердце, убеждал, что учиться можно и в Японии. Но он ни за что не соглашался. «Если до конца будущего года от меня не будет вестей, ваша сестра может выйти замуж за кого угодно, но, пожалуйста, подождите обязательно до конца будущего года. К тому времени я стану за границей уважаемым человеком», – умолял он со слезами. Тогда и брат смягчился и сказал: «Если у вас такое твёрдое решение, я, посоветовавшись с настоятелем вашего храма, тоже постараюсь вам чем-нибудь помочь». Тогда он снова громко разрыдался и, как его ни уговаривали остаться, ушёл. Брат проводил его до ворот и настоятельно просил: «Пока я сам не переговорю с настоятелем о всех делах, пожалуйста, не совершайте опрометчивых безрассудств...». Но он лишь молча поклонился и ушёл.

– Если уж он так сильно полюбил, это достойно восхищения, я и сам был тронут.

Так брат закончил свой рассказ.

Пока слушала это, я сама не заметила, как прослезилась.

– Но какая-то странная история, – сказала невестка. – Вас, случайно, не обманули? Если вы дали такое обещание, потом...

– Нет, всё в порядке. В любом случае, я встречу с настоятелем храма и переговорю, тогда всё прояснится, – ответил брат.

В тот вечер я рано легла спать. Но долго не могла заснуть. Мне казалось, что в будущем меня ждёт огромное счастье, а также – что я провалилась в тёмную яму. В голове то вспыхивало сияние, то вдруг становилось совсем темно. В полудрёме меня мучили непонятные сны.

На следующий день я пропустила школу. У брата не спала температура от простуды, и он отложил поход в храм.

На следующий день я тоже пропустила школу. Брат около десяти утра отправился в храм. И принёс неожиданные новости.

– Он был родом из Суруги, откуда сам настоятель. Родившись в бедной семье, он рано потерял обоих родителей, и, поскольку у него не было других близких родственников, его взяли в местный храм. Но, будучи очень смышлёным, настоятель забрал его из того храма и привёз в Токио, в свободное время обучал грамоте, а затем заставил изучать буддизм. Наряду с пугающе острым умом, в нём было нечто недостающее – или, скорее, что-то безумное. Поэтому настоятель очень беспокоился и постоянно наставлял его заниматься духовной практикой. Однако, с осени позапрошлого года, когда ему исполнилось двадцать два, он, казалось, попал в глубокое смятение. (Настоятель ничего не знал обо мне.) И тем временем, с прошлого лета, он стал понемногу выпивать. Говорили, что иногда ночевал даже не в храме. Настоятель

строго его отчитал. Тогда он поклялся решительно исправиться. И заявил, что отныне будет сам заниматься уборкой двора и прочим, не прибегая к помощи храмовых слуг. Настоятель был очень рад. Его поведение действительно изменилось к лучшему. Так продолжалось долго. Однако прошлым вечером он вернулся поздно и один плакал в своей комнате. Настоятель наблюдал за ним со стороны. И тогда, с той ночи, его фигура исчезла. Он снял белое повседневное одеяние, надел обычную одежду и ушёл. При дальнейших проверках выяснилось, что исчезли храмовые деньги – более семидесяти иен. Других изменений не было, никаких записок не оставил, и настоятель решил, что он, должно быть, украл деньги и сбежал. Прождав весь вчерашний день, он не вернулся. И настоятель подумывал уже обратиться в полицию с заявлением о розыске. И как раз в этот момент пришёл мой брат.

– Побеседовав с настоятелем о разном, – сказал брат, – я примерно понял характер того человека и могу предположить, что произошло. Но что-то...

Брат прервался на полуслове и склонил голову набок.

Мне показалось, будто меня ударили огромным железным молотом. Я не знала, что и думать. Мне казалось, что моё будущее закрашено чёрной краской. Нет, не только будущее – сама моя душа была закрашена чёрным. Я потеряла интерес ко всему. С почти саморазрушительным безразличием я стала относиться к окружающему. Мне было лень что-либо делать, всё было в тягость. И, что хуже всего, по мере того как первый шок отступал, во мне стала возникать лёгкая привязанность к нему. Спустя два-три месяца, думая о тех событиях, я поняла его одержимое чувство. Я не могла думать о нём плохо. Наоборот, я даже старалась думать хорошо. И я постоянно вспоминала его с теплотой. Хотя я ясно знала, что если бы он появился передо мной сейчас, я бы задрожала и убежала, но в глубине души было желание увидеть его. Как бы глубоко я ни смотрела, словно в тёмный колодец, нежная любовь к нему не исчезала. Это противоречие, неразрешимое противоречие, постоянно мучило меня. Даже когда наступили летние каникулы, моё сердце нисколько не просветлело.

О его дальнейшей судьбе ни брату, ни настоятелю ничего не было известно. Даже неофициальный запрос в полицию не дал никаких результатов. И всё же я с тех пор старалась по возможности не ходить мимо храма. Мне было страшно проходить там. Хотя я и тосковала по нему, меня преследовала невыразимая тревога.

И более того, передо мной, словно железная дверь, возвышался обещанный срок. В конце марта я окончила женскую школу. И решила на время вернуться в родительский дом. Перед отъездом брат взял меня с собой попрощаться с настоятелем.

Тогда я впервые переступила порог ворот храма с висящей табличкой «Посторонним вход воспрещён» вместе с братом. Храмовый двор оказался уже, чем я думала. Войдя внутрь, я увидела, что это был не такой уж красивый и безмолвный сад. Большая каменная стела оказалась памятником первому настоятелю этого храма. Дойдя до нее и свернув налево, я сразу же оказалась перед главным залом.

Нас проводили в жилые помещения храма. Я хорошо знала настоятеля, так как с тех пор он бывал у брата примерно раз в месяц, но в тот день я почему-то чувствовала странную отстранённость. Перебирая чётки, настоятель, среди прочих разговоров, сказал вот что:

– Теперь вам следует найти хорошую партию и выйти замуж. Если оставаться одной, какой-нибудь негодяй может положить на вас глаз, ха-ха-ха.

Но я мысленно ответила: «Нет!» Мысль: «До конца этого года!» – закрывала моё сердце. Она приняла форму некой судьбы, преграждающей путь в моё будущее. Я совсем не верила, что он снова появится перед нами. Но «конец этого года» ощущался как предопределённое бедствие.

– Если на тебя положил глаз монах, это к удаче, ты будешь долго жить, – поддразнил меня брат, но я молча кусала губу.

В середине мая я вернулась домой.

Я не могла не чувствовать радости освобождения от школы и выхода на свободу, и некую печаль, а также счастье быть рядом с родителями, но, тем не менее, моё сердце часто оказывалось скованным чёрной тенью.

Однако... ах, время, обманщик! Занимаясь икэбаной и уроками кото, проводя спокойные дни на родине, полной детских воспоминаний, моё сердце естественным образом отделилось от «него». Я стала забывать об угрозе «конца этого года».

В ноябре я заболела воспалением лёгких. Температура поднималась почти до сорока, три-четыре дня прошли в полусне-полуяви. В этом бреду я ясно видела его фигуру. В своём обычном белом одеянии, он стоял неподвижно. Казалось, он был и очень далеко, и прямо передо мной. Лицо было спокойным, словно он крепко спал. Мне кажется, я видела его много раз. А может, всего один. Я не особенно удивилась. Мне показалось, что я ожидала этого заранее. Я ясно почувствовала, что он умер!

Смерть очищает всё. Лёжа в постели, я думала о нём с чувством, словно вспоминала давно умершего человека. И железная дверь «конца этого года» тоже исчезла с моего пути. С чувством облегчения я думала о своём прошлом и будущем. Будущее было туманным и затянутым дымкой.

Моя болезнь прошла меньше чем за месяц. Пока я бездельничала, восстанавливаясь, в один погожий день середины декабря мы с матерью вдвоём пошли помолиться в наш семейный храм. Вернувшись домой, я должна была пойти туда на праздник Бон, но у меня не было настроения из-за него. И мать предложила сходить до конца года, и я, желая помолиться за упокой его души – ведь твёрдо верила в это – сразу же согласилась.

До храма было недалеко, и мы решили пойти пешком. Пройдя около десяти тё (*традиционная японская мера длины, примерно 109 м – прим. ред*) по открытой дороге между полей и слегка поднявшись у подножия пологого холма, мы оказались у храма. Аромат полей был приятен мне после болезни. Небо было редкостно ясным. Мягкое зимнее солнце тоже радовало.

Дойдя до храма, мы сначала помолились на кладбище сзади, а затем поднялись в главный зал. Я от всего сердца помолилась за него.

Затем нас настойчиво пригласили в жилые помещения и угостили чаем и сладостями. Настоятель, внимательно глядя на меня, разговаривал с матерью о моём детстве. Я молча сидела рядом.

В этот момент молодой монах в белом повседневном одеянии вышел поприветствовать нас. Я, не глядя, взглянула на его лицо, и всё тело похолодело, в глазах потемнело. Я чуть не вскрикнула. Это был он, он! Тот монах был им! Я больше ничего не помнила. Помню лишь, что я низко поклонилась в ответ. После того как монах ушёл, я в конце концов упала ничком.

Когда я наконец пришла в себя, мать с беспокойством заглядывала мне в лицо. Настоятель тоже сидел там. Я ответила лишь, что мне внезапно стало плохо.

Через некоторое время, когда сердце немного успокоилось, во мне закипело саморазрушительное мужество. Мне захотелось бороться с собственной судьбой. Я резко поднялась и сказала, что уже совсем поправилась. И стала говорить оживлённо. Меня не заботило удивление матери и настоятеля. Я вела себя бодро, что удивляло даже меня саму. Но при этом я размышляла и расспрашивала о том монахе. И тогда... со мной и вправду творилось что-то неладное! Тот монах уже четыре-пять лет как был приёмным сыном в этом храме и должен был наследовать настоятелю. И он был очень достойным человеком.

Я остолбенела. Но сомнения ещё не полностью рассеялись. Я сказала, что хочу извиниться за свою недавнюю неучтивость, и попросила снова позвать монаха. И, увидев лицо вошедшего монаха, я поняла, что он ни капли не похож на него. С чувством, будто я не я, вернулась домой. И это было началом, началом того, как меня станут сильно мучить видения!

Той ночью я проснулась с странным чувством удушья. В комнате стоял мрачный туман. По ту сторону раздвижной двери стоял он. Он пристально смотрел на меня. Я это ясно понимала. Я хотела накрыться с головой одеялом. Но руки и ноги словно были скованы железными цепями, я не могла даже пошевелиться... Вскоре он бесшумно открыл дверь и вошёл в комнату. И, глядя на меня острым взглядом, кивая головой, начал ходить кругами вокруг того места, где я лежала. Даже закрыв глаза, я ясно видела его фигуру. Дыхание перехватило. Стиснув зубы и изо всех сил пытаюсь вырваться, я подскочила... И это снова оказалось сном. Его призрак исчез, в комнате тускло горела стосвечовая лампа. Я вся затряслась. Я громко позвала мать. Отец пришёл вместе с матерью. Я тяжело вздохнула и упала на постель. Такое случалось примерно раз в три дня. Более того, днём я становилась странно вялой, впадая в состояние забытья, словно потеряв рассудок.

Видимо, это и была моя судьба. Я уже ничего не могла поделать. День и ночь стали разными мирами. Днём я проводила время словно полная идиотка. Ночью я не могла спать одна. Родители и брат все спали в одной комнате со мной. Но даже тогда я иногда просыпалась от видений.

Каково же было беспокойство родителей! Я лишь говорила, что мне снятся кошмары по ночам, но не могла рассказать истинную причину. Я думала, что если расскажу, их беспокойство только усилится.

Я с каждым днём худела и слабела. И мне захотелось увидеться с братом в Токио, я вкратце написала ему о своём состоянии. Брат сразу же приехал. Это было двадцать седьмого декабря. Я уже готовилась умереть через несколько дней.

Брат, выслушав от меня все подробности, казалось, был очень удивлён. Но, нарочито сохраняя спокойствие, сказал, что это мне показалось. И велел мне, во всяком случае, сохранять как можно больше покоя. По ночам мне давали снотворное. По словам врача, у меня была крайняя степень неврастении, и, более того, сердце было очень слабым.

Я, готовившаяся к смерти, тем не менее пережила конец года и встретила своё девятнадцатилетие. Я с облегчением вздохнула. Возможно, благодаря этому, меня меньше стали мучить видения. Я понемногу приходила в себя.

Но моя судьба навсегда останется связанной с ним! Так я верила. И смирилась с этим в одиночестве.

Однако восьмого января... ах, я не знаю слов благодарности! Брат, как оказалось, рассказал настоятелю и тому молодому монаху все подробности с самого начала и попросил, не согласится ли монах взять меня в жёны. И он поклялся любить меня от всего сердца. Об этом я узнала от брата восьмого числа.

Я плакала. Я плакала целый день. Слезы лились снова и снова. Брат ругал меня, спрашивая, почему я плачу, но как я могла не плакать!

Я сразу же начала писать эти записки, обращаясь к тому монаху, к тому, кто теперь мой возлюбленный. Но я больше не могу писать...

1920

ГЛУПЫЙ ДЕНЬ

Пребывая в полудрёме, он думал: «Верно, Сэгава пришёл», – как вдруг, от какого-то звука, внезапно проснулся. В тот же миг в соседней комнате смолкли голоса. Он широко раскрытыми глазами обвёл потолок. Затем, вновь почувствовав на веках ленивую тяжесть, он машинально закрыл глаза, и голоса снова слышались. То были голоса жены и Сэгавы. Он прислушался.

– И как же её добывают?

– Не знаю, я тоже не расспрашивал подробно, но, если посоветуетесь с врачом, наверное, узнаете. Если такое и вправду существует, то, должно быть, уже хорошо известно среди специалистов. Но, как бы то ни было, ведь для этого нужно специально убить целую лошадь, так что, даже если эффект и подтверждён, едва ли это можно широко применять на практике. Даже в случае моего друга, говорят, главный врач попробовал это как последнее средство.

– Но если этим действительно можно вылечиться...

– Однако, возможно, нельзя и с уверенностью утверждать, что это точно излечивает. Вероятно, многое зависит от конституции. Просто в случае моего друга, видимо, это лечение подошло его конституции.

– А сколько стоит одна лошадь?

– Не знаю... Да и, возможно, не всякая лошадь подойдёт.

– Тогда, может, спросить у врача?

– Пожалуй. Но, пожалуй, в этом нет необходимости. В последнее время ему вроде бы гораздо лучше, разве нет?

– Да, кажется, немного лучше, температура давно спала, и мокроты почти нет.

– Непременно поправится. У Ковано-сан ясная голова, и с такой болезнью можно справиться силой разума.

– Но в последнее время он какой-то раздражительный, и это меня беспокоит... К тому же, постепенно становится холоднее.

Разговор больше не возвращался к лошади. Но он сильно заинтересовался этим. Совершенно неожиданно появившаяся лошадь, внезапно возникнув там, оставила намёк, будто имеющий важное отношение к его болезни, и удалилась прочь. Размышляя об этом, он в то же время прислушивался к разговору жены и Сэгавы. Но разговор то и дело перескакивал на разные темы и никак не возвращался к лошади. Ему стало тяжело лежать без движения. Но и приотвориться, что только что проснулся, тоже как-то не решался.

Разговор в соседней комнате продолжался.

– Здесь и вправду хорошо. Если жить в таком месте, болезнь сама собой пройдёт. Я тоже, каждый раз приходя, думаю, что не буду долго мешать, но, оказавшись здесь, задерживаюсь и даже остаюсь ночевать, и уже сам не знаю, пришёл ли навестить больного или просто провести время.

– А почему бы вам с самого начала не приходить с таким настроением? С тех пор как мы переехали сюда, друзей, которые нас навещают, мало, и Ковано очень скучает. И я, когда вы приходите, чувствую какую-то поддержку. А когда вы уходите, Ковано всегда замолкает и выглядит таким одиноким, а я чувствую себя какой-то беспомощной, и в доме вдруг становится мрачно.

– Выходит, мой приход, в конечном счёте, равен нулю?

– Да, поэтому вы обязательно должны оставаться подольше. Вы ведь можете остаться сегодня с ночёвкой?

– Пожалуй. Если только Ковано-сан будет не против...

– Непременно оставайтесь, Ковано будет рад. В последнее время, кажется, ему немного лучше, и он всё время говорит, что хочет поскорее поправиться и написать что-нибудь масштабное. Сколько я его ни уговариваю, он не выпускает из рук листы бумаги у изголовья, пишет несколько строк и думает. Но, видимо, сил в голове всё же нет, потому что рвёт эти листы и снова ложится.

– Сейчас не стоит так перенапрягаться.

– Но я боюсь, что если слишком ему препятствовать, будет хуже, и я, находясь рядом, не знаю, что делать.

– Должно быть, вам тяжело. Может, и я посоветую ему пока пожить спокойно?

– Да, пожалуйста.

– И Ковано-сан, как обычно, пытается писать что-то вроде рассказа?

– Что-то вроде впечатлений. Он пишет и сразу же рвёт, так что я не очень понимаю, но то, что можно собрать и прочесть, я тихонько прячу. Думаю, может, потом пригодится.

– Как хорошо, что вы это делаете. Ковано-сан будет рад. Переживания во время болезни, даже если оглядываться на них потом, всплывают не так уж хорошо. Непосредственные ощущения в тот момент – самые ценные.

– Но их очень мало. Я бы и вам могла показать, но Ковано всегда не любит, когда другие видят незаконченное, так что, пожалуйста, не обижайтесь.

– Что вы, это естественно. Никто не любит, когда другие видят то, что он написал и выбросил.

Он вдруг перестал следить за разговором и погрузился в размышления. Потому что в голове неожиданно ожили когда-то написанные и брошенные им строки.

Жалеть больного – свобода здорового. Противиться здоровому – свобода больного. Но... когда здоровый что-то даёт больному, а больной что-то получает от здорового, какой смысл приносит это волнение по отношению к прежней свободе?

Это была запись, набросанная после того, как в прошлую субботу пришёл Сэгава. В тот день он чувствовал себя на удивление хорошо. Врач сообщил, что бронхит почти прошёл. Когда он сел за завтрак, рядом с кашей лежало немного красного риса. Жена, слегка опустив глаза и улыбаясь, сказала: «Сегодня твой день рождения». Он подумал – и в самом деле так. И вдруг обрадовался. Показалось, что впереди ждёт светлое будущее. Он, не слушая слов жены, что это просто добавка, съел немного красного риса. Приподнявшись на постели, долго смотрел на сад. «Сегодня мы с женой проведём приятный день вдвоём, без чужих», – подумал он. И после полудня пришёл Сэгава. Его лицо было омрачено. Он говорил мало. Но друг и не думал уходить. Под вечер жена сказала: «Сегодня день рождения Ковано, так что не спешите». Ему стало неприятно. Ему захотелось крикнуть на жену: «Дура!» – но он сдержался. Ему показалось, что Сэгава растоптал его замечательный день рождения. Но тем вечером Сэгава, слегка выпив, странно возбудился, начал с мучений творчества, а затем принялся выставлять напоказ свои недостатки и слабости. И его тоже охватило приятное напряжение. Впервые за долгое время они поспорили об искусстве.

– Мне вдруг захотелось тебя увидеть, и я бросил недописанную рукопись и пришёл, – сказал Сэгава. Когда он, устав говорить, закрыл глаза, друг произнес: – Прости, что взволновал и себя, и тебя в болезни.

Когда он открыл глаза, у Сэгава потекли слёзы. Они долго молчали.

На следующий день, после того как Сэгава ушёл, он размышлял один. «Что было бы лучше – спокойно провести вчерашний день с женой или же с Сэгавой необычайно напряжённый вечер?» Для него, долгое время страдающего от болезни лёгких и ведущего скучную жизнь в удалённом месте, то, как прожить каждый день, было важным вопросом. После ухода Сэгавы он и написал те несколько строк.

Вспоминая то время, он почувствовал невыразимую тоску. Разговор в соседней комнате всё ещё продолжался, с перерывами. Но слушать его стало в тягость. Лежать с притворно закрытыми глазами было невыносимо. «И почему это мне захотелось подслушивать разговор жены и Сэгавы?» – спросил он себя. Тогда в голове всплыло слово «лошадь». В груди возникло необъяснимое беспокойство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.